

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

Нижегородского Губернского Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Н.-Новгород, Кремль, Дворец Свободы. Телефон № 5-75.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на март месяц 4 рубля.

Принимаются объявления.

Плата для государственных учреждений и предприятий 3 руб., для частных лиц и предприятий 3 руб. 50 коп. за строчку пегита. Членам партийных и профессиональных организаций 10% скидки.

В каждом отдельном случае редакция охотно вступает в переговоры.

За неделю.

- ФРАНКУРТ. Созвана международная конференция революционных рабочих организаций.
ПАРИЖ. Увеличивается стачечное движение за повышение заработной платы.
НЕЛЬН. Забастовало 10.000 строительных рабочих.
ГЕЛЬСИНФОРС. Финляндские рабочие-железнодорожники выступают против социал-демократических вождей.
СТОНГОЛЬМ. На днях Шведский Коммунистический союз отпраздновал двадцать лет своего существования.
БЕРЛИН. В Эссене арестован французский член Германской коммунистической партии Клара Цеткин, находящаяся там проездом.
ЛОНДОН. В Норфолке бастует 15 тысяч с.-хозяйственных рабочих.
МОСКВА. ЦК РСМ. постановил провести в начале мая среди молодежи день леса.

ВТОРОЙ ШТУРМ.

„Дурман религии отгадан— Фабричный дым нужней, чем ладан!“

Наступает страстная неделя. Поплывет в весеннем воздухе меднозвучающий страстной звон. Замигают огоньки богомольщиков на темной вечерней улице. Потянется в церковь обыватель и кее-кто другой по привычке, по истари заведенному обычаю.

Комсомольцы тоже готовятся к праздникам, только готовятся по своему—они готовятся ко второму штурму небес! С земными царями разделались, принимаемся за небесных! Мы против всех религий и против всех попов.

„Мулла, священник и раввин— Миром мазаны одним!“ А поэтому у нас ответ давно готов: „Долой раввинов и попов! „Денее в мире нету слов— „Я отрицаю всех богов!“

Широкая пропагандистская антирелигиозная кампания нами уже развернута. В клубах наша энергичная Комса принимается горячо и весело за подготовку к страстной субботе, то-то должен быть на славу наш «второй шаг», наш второй небесный штурм.

Своей комсомольской пасхой мы должны вывить языческую сущность христианской пасхи, как праздника во имя поповского барыша и народного дурмана! Своей комсомольской пасхой мы охватываем широкую массу молодежи, отрывает ее от страстных настроений, выявляем ее коммунистичность, заостряем ее политическую активность, дисциплинируем, приводим ее в боевую готовность.

Для той молодежи, которая идет в поход за учебой, которая так ярко и сосредоточенно

грызет гранит науки—для этой молодежи не может быть райской улады на небе, она строит лучшую жизнь на земле, справедливую и честную.

Пора уже пасхе сойти с исторической сцены, у нас есть другой—революционный праздник 1 мая.

1 мая—это праздник освобожденного труда! У нас уже свободный! 1 мая—это праздник труда, который воистину воскрес для свободного творчества новой, справедливой и прекрасной жизни; который является единственным и великим могучим творцом всей жизни; который повелевает всеми природными стихиями и «тайнами»; заставляет их служить себе рабски и покорно исполнять волю миллионов человечества. Могучий, массовый, свободный, стихийно-творческий труд, один является великим творцом и повелителем вселенной, елико на небеси—горе, елико на земле—низ, елико на воде—под землею!

Осанна в вышних, благословенно грядущее освобождение всего трудового мира, во имя социальной революции!

Да здравствует праздник „Комсомольской пасхи“—символ побеждающей Науки и гибнущих остатков религиозного дурмана!

Да здравствует могучий и свободный труд, соединенный с мудрой и всесильной наукой в их борьбе за полное экономическое и духовное раскрепощение человека!

Да здравствует революционный авангард второго небесного штурма Комсомол, с честью несущий коммунистические знамена старой партийной гвардии!

Иван Чичеров.

Памяти лейтенанта ШМИДТА.

Лейтенант Шмидт.

Прошло флота, прошлое моряков—цель выступлений и восстаний—борьба против царизма!

Пятый год славы в истории рабочего движения.

Пятый год и в истории флота отмечен восстанием Черноморского флота.

12 ноября 1905 г. воеденные до крайности тяжелой дисциплиной, самодержавной политикой моряки Черноморского флота восстали во главе с крейсерами „Потемкин“ и „Очаков“.

Они требовали: 1. Созыва учредит. собрания. 2. Проведения манифеста 17 октября.

Руководство восставшими принял лейтенант Шмидт.

Правительство не пошло на уступки.

15 ноября „Очаков“ открыл огонь по штабу морского управления. Начался бой.

Неподдержанные массой флота, восставшие сдались после жестокого, упорного 12-часового боя.

Правительство торжествовало. Прошло 3 месяца.

25 марта 1906 года, когда солнце улыбалось, празднуя весну, к „Очакову“ через Севастопольский рейд пронесся катер с смертным приговором Шмидту.

— Я ничего другого не ожидал, меня осудили, но история нас оправдает,—сказал Шмидт, выслушав приговор.

Ночью Шмидта с товарищами сняли с крейсера и отвезли на пустынный берег Березань.

Рано утром, освещенные лучами восходящего солнца, Шмидт и его товарищи пали жертвой произвола.

Пали, сознавая, что начатое дело не замрет. Через 12 лет исполнились их желания—пал трон.

Память Шмидта и других товарищей, павших за дело рабочего класса, никогда не умрет.

Мы чтим их, всегда помним, какой дорогой ценой купили мы свободу.

Вечная память павшим! Дело, работу живыми!

Асс.

Память лейтенанта Шмидта и его товарищей, павших жертвой царского произвола, никогда не забудется в пролетарской истории освобождения.

Я. Резвый.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК.

Наступил давно жданный день для студентов.

С утра студенты начали стекаться по своим В. У. З. К 11 часам коридор П. И. был заполнен уже публикой.

Сегодня как-то особенно хорошо были все настроены. Даже наше студенчество, всегда такое пассивное, проявляло себя больше со стороны энергии. Одни подходили к развешенной на стене „Коммуне“, другие читали в первый раз вышедшую стенную газету „Комсомольск. Слово“, третьи, серьезно настроенные, разговаривали о чем-то тоже серьезно, расхаживая по коридору, четвертые весело болтали что-то восторженные.

В комнате ячейки РСМ раздается песня „Мы кузнецы и дух наш молод“. Но вот прогремел звонок и все отправилось в 3 этаж, в зал на митинг. Здесь заслушали „Историю дня“, приветствия, почтили память погибших, в заключение спели „Интернационал“ и стали спускаться вниз, выстраиваясь рядами, чтобы идти на демонстрацию. В это время приблизилась к зданию и-та толпа водников с духовым оркестром. Наши под звуки громкого марша тоже двинулись, а там присоединилось студенчество Университета, Промышленно-Экономического и-та и др. Теперь уже грандиозная толпа двинулась по улицам

со знаменами, музыкой и песнями. Знамена с нарисованными лозунгами, говорящими о том, что „Наши знания трудовому народу“, „Без знаний нет коммунизма“, революционные песни и звуки оркестра все создавало настроение солидарности и энтузиазма. С криками „Да здравствует Советская Власть“, „Да здравствует красное студенчество“ толпа подошла к Дворцу Свободы. Здесь на митинге еще больше усилилось настроение массы и периодически весь энтузиазм изливался в бурных аплодисментах и громком „ура“. После митинга все направилось к Городскому театру. Театр был переполнен студентами. Только что все заняли свои места, было открыто торжественное заседание, где заслушали приветствие от губернских организаций, послали приветственные телеграммы т. Ленину, Луначарскому, Коминтерну. Потом уважаемый старейший член РКП т. Лядов прочел доклад на тему „Революция и студенчество“. Все это создавало сильное настроение массы. В этот день студенчество создало прошлые ошибки воектябрьских интеллигентов и выразило верность и солидарность трудовому народу и Советской власти. Этот день 21 февраля был залогом союза Пролетарского студенчества!

Н.-Новгород.

П. Е.

К 3-летию Нижгубпартсовшколы.

18 марта наша партийно-советская школа празднует юбилей 3-летнего своего существования.

Начиная с кратковременных курсов политграмоты, школа превратилась в более долготочную хранилищу марксистского обучения.

В течение 3 лет из нее вышло много наших работников с политической подготовкой.

Школа вместе с тем дает толчек к дальнейшему развитию.

Со своего возникновения она много раз преобразовывалась, расширя-

лась программа, налаживалась учебная часть, развивалась клубная работа, не говоря уже об улучшении материальной жизни курсантов, которая поставлена на должной высоте.

Школа с каждым годом все больше дает знаний своим ученикам.

Не даром она является кузницей отделенных командиров нашей Советской России.

Пожелаем ей в юбилейный день, дальнейшего процветания.

Партшколец „Горка-Малый“.

НАДО ЭНЕРГИЧНО БОРЬТЬСЯ.

О самогоне и вреде ее у нас писали так много, что, кажется, трудно чтонибудь прибавить еще. За любой день в газетах можно набрать такие факты, которые терпеть казалось бы невозможным. За последнее время все чаще мелькают еще более тревожные известия: самогоном начинают спавать детей. Мало того, что самогонщина отравляет ежедневно тысячи людей (а в праздники миллионы); мало того, что она отнимает у нас все лучшее, оборона продовольствие, когда в голодных районах люди впадают от голода,—самогогонщина подкрадывается к будущему страны, нашему подрастающему поколению.

Больше терпеть нельзя, и от слов надо перейти к делу,—притом к такому делу, которое положило бы конец этому, позорящему нашу страну, преступлению.

Преже всего, следуя совету дедушки Крылова, не надо „слов тратить попустому, где надо власть употребить“.

Нужно пересмотреть наказания для самогонщиков и порядок применения их. Незачем заваливать судебные учреждения самогонными делами: у них есть дела и поважнее. Бессерые самогонные дела надо решать упрощенным порядком; меры наказания повысить. Юристы скажут: как сделать суд над самогонщиками справедливым, правым, но не милостивым.

Всякое пособничество самогонщикам тоже должно караться без всякого снисхождения. „Мастерские“ и „заводы“ самогонных аппаратов должны почувствовать это.

Продавщики самогона в ресторанах, кафе и т. д. должны караться наравне с самогонщиками. Пуст всякий знает, что за пособничество в преступлении по головке не гладят. За попустительство милиция первый кнут.

И нужно теперь же объявить ударной задачей борьбу с самогонщиной. Вековое русское взяточничество немалой корневой потеряло в результате „недели по борьбе со взяточничеством“. Точно также надо повидергать корешки самогонщины. Мобилизовать партийные и профессиональные силы для этого, развить бешеную агитацию, доказать в самых темных углах, что самогонщик—прямой контр-революционер, заклятый враг трудового народа,—такова задача этой недели“.

Самая жестокая репрессия рядом с самой широкой просветительной деятельностью,—вот путь борьбы с самогонщиной. И надо перестать делать это путем долгих разговоров и судебных словопрепай, а отсечь рагнрену резким коротким ударом.

(„П.“) Н. Семашко.

СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.

В Закавказье.

Дворец рабочей молодежи.

Центр тяжести работы закавказской организации РСММ лежит в настоящее время на ликвидации азбучной неграмотности членов союза. В Азербейджане 50 проц. всего количества абсолютно неграмотны и 40 проц. малограмотны. В Армении неграмотных в среднем 30—40 проц., малограмотных несколько меньше. Лучшее дело обстоит в Грузии, где, благодаря усиленной работе по ликвидации неграмотности, процент неграмотных значительно уменьшился, но и здесь в некоторых организациях РСММ 80—85 проц. неграмотных членов.

Сейчас работа по ликвидации неграмотности развернулась широко и захватила всю закавказскую организацию РСММ. Закавказским краевым комитетом РСММ дана местным союзным организациям директива закончить ликвидацию неграмотности к 1 мая. Некоторые организации широко применяют принцип соревнования.

В январе в Омске Комсомолом открыт «Дворец рабочей молодежи», который назван именем Коминтерна молодежи.

Немало было положено сил на создание этого «дворца». Комсомольцы подняли на ноги, привлекли к участию через губквартиром коммунальный отдел и даже губпартком, который оказал особенно солидную материальную поддержку комсомольцам. Здание «дворца» отремонтировано, украшено, расцветчено,—любко смотреть.

Во «дворце» сразу же закипела работа. Работает марксистский кружок повышенного типа из 25 человек. Для руководства работой привлечены руководители коммунистического Сибиря.

Развертывает свою деятельность библиотека и читальня. Хорошо работает спортивный кружок, насчитывающий 75 человек. Для дальнейшей работы придется приложить немало усилий, чтобы раздобыть средств. Без них работу не развернешь. Пущены полиграфические листы с письмом губкома РКП.

Я. Резвый.

ТРИ БОГАТЫРЯ КРАСНОЙ

РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ.

МАТРОСАМ.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня огневая рубиновых слов.

Вы—солнце, вы—свежесть стихии соленой,
Вы—вольные ветры, вы—рокопы бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность—морская лазурь.

Крамом не прошали вы кровь и обиды
И знамя борьбы подымали не раз,
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веком!

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на Невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской встречи,
Такими бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный семнадцатый год.

КРАСНОЙ АРМИИ.

Стройной массой батальоны—
Идут граждане пред нами;
Реют красные знамена
Над идейными бойцами.

Красной Армии то дети,
Дети армии народной,
Армии единой в свете—
В ней оплот страны свободной.

Не для грубого насилия
Сталь штыхов ее сверкает—
От буржуазного засилья
Нас она оберегает.

Мы царей полки видали,
Муштровать ведь их умели—
Формы золотом сверкали,
А глаза, как остеклели...

Так властям было угодно,
Чтоб та „серая скотина“
На одно была пригодна,
Как „убойная машина“.

В Красной Армии не блещут
Мишурой эполеты—
Комсостав, Красноармеец
Одинаково одеты.

Одним чувством сердце бьется,
Грудь тревожна молодой,
Кровь бестрепетно прольется
За свободу дорожную.

Крепость духа—твоя сила,
Наша армия родная;
Ты не мало совершила...
Где, скажите, вся та стая,

Что, как псы из подворотни,
На свободную отчизну
Генералы черной сотни
Выползали править тризну?..

Ты, могуча, как стихия,
Приняла такой завет:
„Руки прочь, враги лихие,
На Руси вам места не!“

Смыть кровавою волною
Эту Русь вам не с руи—
Русь хранят стеной стальной
Красной Армии штыхы.

Наша армия—стихия,
Твердо держит свой завет,
Шлет за это вся Россия
Красной Армии привет!

М. Орлов.

КРАСНЫЕ ЛЕТЧИКИ.

Легко уйдя в лазурь и там чертя круги
Над гущей вражских толп, мы выби-
раем цели,—
И градом звонких пуль, разрывами
шрапнели
Спешат в испуге нас приветствовать
Враги.
Момент—и мы в венке из белых
роз-дымков,
И сотни тысяч глаз следят за нашим
летом,
И смерть глядит в лицо... Но смелым
поворотом
Руля уходим мы в траншею облаков.
Мы знаем, наша жизнь мгновеннее
зарницы:

Сегодня мы живем, а завтрашний по-
лет
Украсит лавром нас и... мигнет в него
вплетет..

Но умкряем мы свободными, как пти-
цы,
И в тот момент, когда в лазури, сло-
но бич,
Тяжелая шрапнель хлестнет по азна-
рату.—

„Да здравствует Совет Рабочих Де-
путатов!“—

Бросаем мы с небес врагам побед-
ный ключ.

К. Матрин.

ЛЕТЧИКИ.

Раннее летнее утро. Еще чуть свет.
До восхода солнца добрых полчаса, а
на аэродроме жизнь уже проснулась,
уже бегают, подпрыгивая, по росе-
той траве выдуманные птицы и с раз-
бегу взвиваются ввысь. Они первы-
ми поздравят солнце с восходом, а
Москва, даже рабочая, потянется, про-
сыпнется, и встанет еще не скоро.

Летчик в воздухе, как актер на под-
мостках,—все у него идет красиво,
гладко и без малейшего напряжения,
не зритель, зритель теперь отлично
знает, каких предварительных усилий,
какой тренировки стоит эта парадная
показная легкость. Целая школа по-
зади, колоссальная работа за кулиса-
ми. Все как у летчика.

Вот в простой схеме жизненный
путь летчика. Летчики все—добро-
вольцы. Главным образом, вербуются
они в воинских частях. Это сплошь
да рядом люди, уже повидавшие по-
роху. Выделяют их Гувуз, Всеобуч,
Комсомол, профсоюзы. Кандидат дол-
жен иметь образовательный ценз при-
мерно курса средней школы. Затем—
медицинское горнило: он должен быть
физически здоровым.

А вот и день курсанта: страдная
пора у него—лето. Встал еще затем-
но, часа в три утра, и сейчас же на
аэродром, за работу. Идет обучение
стрельбе, с'емкам; потом легкий от-
дых,—спят,—и затем с трех часов и
уже до сумерок снова в работе. За
день ни минуты—свободной. Зимой
встают в семь. Гимнастика, занятия
в строю. В девять—класс, вечером—
снова класс; потом работы по секциям,
в кружках. На курсах 80 проц. ком-
мунистов, и потому сильная работа
политическая и культурно-просветитель-
ная. Свой клуб. Летчик. Спектакли.
Собеседования.

Учеба большая.
Много изучает сам летчик и со
всех сторон изучается он сам. Специа-
лизируется здесь в двух направле-
ниях: истребители и разведчики—два
факультета. Дилетанства никакого.
При выборе одного из них все строи-
тся на точном научном учете. Знания,
здоровье, сила, характер, тем-
перамент, выдержка, находчивость—
все персонализируется. „Чутье“, „нут-
ро“, „рука“,—все, на чем держалось
старое любительство, сейчас забыто.
Математика, механика, физика,—это
основные элементы профессии лет-
чика.

И потому так редко теперь воздуш-
ные катастрофы. Все предусмотрено
и все предупреждено. Человек на со-
молете начинает чувствовать себя,
как пассажир в трамвае: так же сво-
бодно и прочно. Вот характерный в
этом смысле штрих, беру его из пос-

леднего номера „Вестника Воздуш-
ного Флота“. Т. Б. Вахминистров вспо-
минает свою встречу с покойным ды-
не-летчиком Н. Н. Ильязтыкиным.

—Увидел меня, он подбежал на
встречу, крича: „А, приехал, нако-
нец, старый корявец. Лезь в маши-
ну, каналья“,—это было приветствием
другу, которого он не видел пять ме-
сяцев. „Контакт!“ „Есть!“—по-
шли... и только на высоте метров на
1,000, включив мотор, он сказал:
„Ну, здравствуй, Боба, здорово, рад я,
что ты приехал. Поговорим, тут на-
роду меньше, не так лезут“.

Ну, конечно! Человек увидел дру-
га и сейчас же повел его в свой ле-
довой кабинет,—что может быть ес-
тественнее этого.

Нам нужно погонять Европу не
только качественно, но и количествен-
но. Нужны нам не десятки летчиков,
а тысячи их, целая армия. Наши
школы научились их делать. Но и
здесь, как и во всем производстве,
нужно прежде всего „сырье“, челове-
ческое сырье, нужен материал.

Материал должен черпаться, это оче-
видно, среди молодежи и, конечно, в
первую очередь среди более стойкой и
организованной части ее,—среди
Комсомола. В этом смысле нужно
будить молодежь, взвешивать ее ин-
терес к воздуху. Летать,—привилегия
молодежи. Старый хрыч—плохая
птица. У авиации нет еще, разумеется,
своих поколений, как, скажем, у моря-
ков, но настало уже время, когда их
нужно воспитывать, возвращать. Для
этого необходима литература. Нужен
был авиационист.

Я много встречал летчиков и штат-
ских и военных, особенно на фронтах
„большой войны“. С жадным интере-
сом новизны вглядывался я в этих
новых, непривычных людей. Молод-
цы, герои, и уже во всяком случае
все они особый, отборный народ.
Люди сильной души и закаленной во-
ли. С дряблой, кисельной душойкой
далеко не улетишь, „угробившись“
сейчас же.

Летчик, прежде всего, — заядлый
спортсмен. Авиация, конечно, самый
красивый спорт и со стороны внеш-
них форм, и по внутреннему своему
содержанию. Спорт хорош и важен,
если он построен на нужности дела,
а не только на бессмысленном азарте.
Человек, увлекшийся где-нибудь в
Константинополе тараканьими бегами,
не спортсмен, а просто болван. Спорт-
смен-летчик может быть поистине
горд сознанием, что он своей работой
двигает сейчас одно из самых важ-
ных государственных дел.

„И. Петр Ашевский.

Пять лет среди моряков-балтийцев.

(1913—1918).

В сих строках я хочу поде-
литься с юным шепом Балтий-
таняжек, молодежию своею при-
внани в Финляндии среди моря-
ков Балтийского флота.

До войны.

2 февраля 1913 года я приехал в
финскую столицу—Гельсингфорс на
работу в русскую типографию из
Нижнего-Новгорода.

В Гельсингфорсе уже было, несколько
моих товарищей-нижегородцев то-
же приглашенных из Нижнего для ра-
боты по изданию газет, издававшей-
ся на русском языке.

Утром по приезде, я пошел лю-
боваться гранитным красавцем городом
Гельсингфорсом.

Гельсингфорс стоит на огромном
гранитном краже, омываемый с трех
сторон Финским заливом.

Особенно меня поразила своеобраз-
ная архитектура финских строений, по-
строенных за последние два десятиле-
тия.

Дома построены по самому послед-
нему слову техники в смысле крас-
оты и их удобства для жилья.

Здесь царство гранита.
Как дома, так панели и мостовые—
все состоит из гранита.

От Эдланда (главная улица) я
вышел на Торговую площадь, тут же
набережная, окаймленная великоле-
пным гранитом.

Глазам моим представлялась чуд-
ная, сказочная картина стоявших на
рейде морских военных и торговых
кораблей.

Морские гиганты: „Гангут“, „Петро-
славовск“, „Слава“, „Рюрик“, „Ан-
дрей Первозванный“, Император Па-
вел I“, „Цесаревич“, „Адмирал Ма-
каров“, „Олег“ (крейсер гвардей-
ского экипажа, только что вернувшийся
из заграничного плавания), „Память
Азова“ и мн. другие, зимовавшие
здесь, военные суда крепко были ско-
ваны льдами Финского залива, были
как бы в летаргии.

Гельсингфорс был центральным и
постоянным пунктом стоянки Бал-
тийского флота. Другие стоянки были
в Ревеле, Экенесе, Ганге и Або.

На улицах города редко можно было
встретить русского, разве где юркий
матрос избегающий центральных
улиц чтоб не попадаться на глаза на-
чальству, бежит в свой излюбленный
Сёрнес (рабочая часть города), чтоб
забыться повседневной обыденщины,
„железного ящика“, каким звали они
все военные суда.

Зато на центральных улицах часто
можно было видеть золотые эполеты
военно-морских офицеров в милом об-
ществе своих изящных Грекел (дам).

В первый же день приезда, вече-
ром, я попал в русский Александров-

ский театр, находящийся на Буль-
варной (имеющей по бокам деревья,
улиц).

Здесь почти сплошь—все русские.
Партер наполнен лицами в блестя-
щих парадных мундарах с золотыми
эполетами, шапками и кортиками—
золотой офицерщиной.

Середина была заполнена русски-
ми—служащими и рабочими.

Галерка—матросами.
Армейцев-солдат что-то редко мож-
но было видеть в театре.

Ваши учителя, старые матросы
были на „галерке“.

Галерка—вот сладость жизни
моряка-матроса.

Сию я среди матросов и частень-
ко думаю: вот в этой гуще матро-
ских тел—хорошая почва для по-
литической агитации.

В антрактах—военные не сидят.
Был парадный день, перед началом
пьесы оркестр играл гимн Финлянд-
ский генерал—губернатор Зейн со
свитой своих охранников-шников,
приехал прокричать трижды „ура“!

и тотчас же уехал.
Делалось это всегда таким образом:
по окончании гимна Зейн из ложи,
комично тивкал: „вра!“ „вра!“ „вра“!

Сыщики, исполнявшие роль „верно-
поданных“, забивались в публику
и из разных углов театра тянули:
„ура...!“—было смешно до слез.

Кроме театра, матросу в других
публичных местах бывать не разре-
шалось.

Матросы, поразвитее, находили
себе утешение в театре, другиеже ску-
чали по женщине и проводили время
в обществе «фликушки» (fëikka—по
шведски—девушка).

Часто в праздничный день в за-
городной части Сёрнес можно было
видеть идущую обнявшую парочку
матроса с финской девушкой, гово-
рящих один на русском, другая по-
фински, но каким-то чутьем друг друга
понимающих, несмотря на „совершен-
ное несходство языков“.

Время шло удивительно однообраз-
но, лишь развлекали русских раз-
личные финские карнавалы.

На кораблях шла скучная тяжелая
жизнь.
Редко можно было видеть жизне-
радостного матроса.

Лица жителей «железных ящиков»
были землисто-темного цвета, испан-
ские. Выглядели они мрачно.

Лето 1913 г. и зима 1914 года про-
шли мало чем отличающиеся от пре-
дыдущего времени.

Но вот... запахло порохом.
Приближалась Европейская война.

Александр Адуев.

(Продолжение следует).

III-й

Когда от спячки вековой
Очнувшись трудовой народ
Мог, разобравшись сам-с собой,
Искать свои права... Но вот,
Не уступая нам ни в чем,
Тираны властные труда
Единодушны все в одном:
Рабочим волю—никогда!
Но взяли мы и все возьмем!

М. Орлов.

МОЛОДОМУ.

На всех концах земного шара
Мы явим рвенцем своим,
Под блеск гигантского пожара,
Жизнь чудно-новую творим.

Могучей, властной рукою
Грядущих дней металл куем,
И неустанным борьбою—
Союз наш дружно создаем.

Лишь мы—цветы полей свободы
Умеем жить и побеждать,
Лишь мы построим все народы
В коммунистическую рать.

И наш союз багряно-алый
Стальными звеньями скрепим,
Под звук интернационала
Друг другу руки подадим!

Зиновьевец Кириллов.

ЛУЧ КОМСОМОЛА.

Свети наш луч, зарею красной,
Свети путь жизненной борьбы
Нам всем, вступившим в бой опасный
За счастье братской голыбы.

Наш путь тернист, крива дорога,
Полна препятствий и преград,
И мы не двинемся назад.

А день за днем мы мерным шагом
К победе близимся своей;
Нас много, мы горим отвагой,
Мы строим счастье для людей.

Семью равных мир мы строим
Своею равной семьей,
Уж близок день, когда откроем
Мы дверь коммуны мировой.

Свети-ж светлей зарею красной,
Луч комсомольский огневой,
Дорогу делай нашу ясной,
А силу нашу—грозовую.

П. Азеев (сормович)

В КУЗНИЦЕ.

Пылает горн и дышет мех,—
Пыхтит в своем движеньи,
И искры, поднимаясь вверх,
Летят, как в упоеньи.

Своею мощною рукою,
Со взором напряженным,
Кузнец трудится молодой,
С девизом, вновь рожденным.

Железо—слава кузнеца,
Трух—всей жизни счастье,
А от ударов молотка
Летит долой ненастье.

Встает заря грядущих дней,
За нею солнце правды,—
Ковать он будет веселей,
Когда погибнут гады.

Их дни давно уж сочтены,
Союз республик наш окреп.
И славный молот кузнеца
Кует нам звонкий серп.

Синельников (Горрайон)

ПО ДОРОГЕ.

(Путевые наброски нашего корреспондента).

Балахна.

Еду в Городец... Мятель.
Лошадь запоздала—пришлось оста-
новиться почевать в Балахне.

Мертвый, запятанный, разжалован-
ный из уездных, городишко произво-
дит впечатление стоячего болота. Кругом
занесено снегом. На улицах пусто-
шанно. Редко, редко встречаются
прохожие словно это незаселенное
место а вымощеный переулок.

Даже жутко становится от той ти-
шины, охватившей городишко, и толь-
ко унылый колокольный звон, нарушая
ее, заползает в душу, еще более уве-
личивает тоскливое настроение.

Комсомол... Встретился с комсомоль-
цем. Разговорились.

Организация находится в стадии
омертвения—подобно городу. инициа-
тива в работе отсутствует.

Есть клубы, но посещаемость—0%.
Молодежь—обитатели Балахнинской
тресины, определено закуморилась

в домах. Для них, кажется, ничего на
свете не существует. Словно дикари!
Диву даешься от той картины, ко-
торую развертывает передо мною мой
собеседник.

Да и как-же? Это „общественное
явление“ домоседства—полнейшая апа-
тия ко всему окружающему, поды-
мает дыбом волосы на голове.

Чего-же ждать от такой молодежи?
Кроме бытовых взглядов и
глухой трескотни—ничего.

И это там, где есть Комсомол, аван-
гард молодежи, ведущей ее по твер-
дому пути к светлой цели!

Пока молодежь окончательно не по-
грязла в этой трясине, необходимо
вытащить ее на свет и очистить от
мути молодых мозгов.

Сормовский уездком должен это
сделать. Пусть почаще (а он очень
давно не был там) заглядывает в
Балахну и встряхнет коому в этой
„столице на семи островах“.

Нуж: Князев.

Шарада № 1.

Мой первый слог—знаком недужным;
Второй—путь нитки по штанам;
Конец—знаком обжорам тучным.
Все целое,—что снится Непачам.

Ангор.

Шарада № 2.

Первым слогом будет возраст,
Слог второй—один зверек;
Все не взятое, поверьте,
Гордость будущего лет!

Шарада № 3.

Воевал еще недавно
Первый слог в стране одной,
Утвердительно слово—
Слог второй; а все иной
С неохотой пил невольно
И плевал притом довольно.

Радакция „М. Р.“ извещает, что по независящим от нее
причинам выпуск очередного № задержался. Четвертый №
газеты за март м-ц выйдет на днях. Редакция «М. Р.».

Комсомольский смех.

Долг платежом красен.

Бытовая картинка.

1) „Он“ шагает, что есть сил—
Портрет Маркса он купил.

2) Над кроватью приклеил,—
Сразу свет ему стал мил.

3) Но нарушил вдруг покой
Возглас батяни: „Кто такой?“

4) „Маркс“—последовал ответ.
Вмиг разорван был портрет.

5) Долго батька тут орал.
Полный мщенья сын бежал...

6) Мщеньем страшным сын горит.
Всех „богов“ разбить спешит.

7) И представьте батянин страх...
Вмиг иконы в пух и в прах.

Сюжет „Медведя“, слова Вьюгина.

С этого номера нами начинает печататься роман „В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ“. По оригинальности сюжета и популярному изложению роман читается с большим захватывающим интересом.

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Тайственный саквояж.

Глава I-я.

Ш и ф р о м. Весьма срочная.

„Вагоне 4028 направляются город С. двое неизвестных четыре фунта динамиту черной саквояже двумя застежками на боку двух местах сильно потерта точка. Одним из неизвестных предпологается известный князь Н. запятая безавший июне Петрограда точка Цель поездки производство со-
действия С—ской краевой монархи-
ческой организации ряде взрывов
тылу т—ой и п—ой дивизий зпт та-
же железнодорожных путях Сз—С.
города С и С—фронт точка Подроб-
ностей никаких точка Ваша задача
тщательно проследить отнюдь не за-
держивая до г. С и случае надобно-
сти городе С связи С—ской губ...
до полного выяснения точка Донос-
те ежечасно прямым проводом Б. М.
Сз и С точка Номер“.

— Ваш документ!

Долговязый парень с плоским, со-
вершенно бесцветным, лицом расте-
рянно вскакивает, стучаясь шеей о
вторую полку и начинает мучительно
втыряться в карманах. Впрочем, доку-
менты приблизительно в порядке...

Правда, наматанный за последние
месяца глаз Дорофеева с первого
взгляда—больше того, не глядя—все
замечает: и торчащие из-под лавки
подозрительные мешки, и пакки „ке-
репок“ за неосторожно от неожидан-
ности распластанным солдатского суина
френчем, и другое „недозволенное“.
Но... это мелочи. Надо оставить ра-
боту и загорючиться.

Главное дальше.

А здесь только растет спокойная
уверенность в этом приобретенном за
последние месяцы, неизвестно откуда
с неба свалившемся на вчерашнего
заводского токаря непобедимом уме-
нье, не глядя все замечать, понимать
и запоминать и никогда, никогда, ни
на пуговицу, ни на нитку, ни на во-
лос в борьбе против чуть видимого
врага не ошибиться.

Растет спокойная уверенность и
потому, что самая телеграмма не яви-
лась неожиданностью...

Правда, не 4048, а 1346...

Сегодня же утром...

Выдала ли очень искусно сделан-
ная, но все же оцуптившаяся „липа“,
или почувствовалась какая-то нарочитость
в этом саквояже на предоконном сто-
лике, небрежно поставленном, но чуть
замешло пританованном чуть заметным
ремешком в оконной раме и как-то
слишком стиснутом установленными
кругом мелочами, или, наконец, ин-
стинктивно, как это бывало уже
с ним иногда, в этом как-будто вялом
юноше с небритым желтым лицом, но с
энергичным подбородком и тонкими
губами, в выцветшей когда-то улан-
ской фуражке, почувствовался вдруг
смертельный классовый враг, но До-
рофеев не прошел сегодня утром
мимо саквояжа.

И не только запомнил, взяла за за-
метку, но от самой Р. на недалекой
полке едет уже „свой“ человек, и бо-
лее того—отчего бледное лицо Доро-
феева вдруг чуть вспыхивает энергич-
ным румянцем,—от самой Р. по-
слан по месту посадки комвзвода Ни-
колаева (так значится в документе
хозяина саквояжа) подробный запрос
с сообщением и в высшую инстан-
цию. Так удачно начинается новое
огромной важности дело, а там новый
удар по неважной контр-революции
и, быть может, новая, еще более ши-
рокая, еще более вдохновляющая ра-
бота.

Дальше...

Дальше к ставшему на один день
центром мира отделению вагона 1346,
через силетения пропахших шинелей
и валенок, по тискающимся у лавок
ногам, спицам, чуть не головам, там,
где казалось бы нельзя просунуть ми-
зинца, где люди целыми днями не
могут выбраться но нужно, дальше,
но не нарочито, без лишней шумихи,
медлительно, общим обходом...

Здесь. Предъявляйте документы.

Тонкая узкая рука. Не спеша про-
тянутая бумажка. Ваши вещи? Это!
Это! А это, на столике?

Саквояж с двумя застежками на
боку, кажется, и потерт немного. Всем
сознанием, всем телом вливается в
лицо отвечающего. Вливается внут-
ренне, потому что глаза где-то поверх
него, лицо безучастно.

Князь Н. (это он) развалившись,
совершенно спокойно. Только-только
края век на волосок, на полволоска
чуть двинулись (или нет?), и чуть
вдруг как-то оттянулся уголок рта...

Конечно. Он.

— Это. Дорожные вещи...

— А-а... Ну ладно... Товарищ... Эй,
вы там.—Предъявляйте...

Дальше...

По тискающимся у лавок ногам,
спицам, чуть не головам.

Но весь этот хаос, невообразимое
нагромождение мешков у тел, в одно
мгновение, как молния, освещающая
все до единой пылинки, должно
взвесить, считать, запомнить, знать...

Обстановку надо держать в памяти
до самой негужной мелочи.

Обстановка довольно удачна.

Прямо на тело князя навалилась
огромная, верно, в десяти полшуб-
ках закутанная баба. Двое рабочих
в отпуске за продуктами, красноар-
меец в часть, два красноармейца в
отпуске. Напротив князя его спутник,
молчаливый, в меховой шапке. Сосед-
нее отделение: заблудший студент, кра-
сноармейца, а сверху под самым по-
толком, двое в матросских куртках и
„клетках“—матросы что ли—слезли-
вающие на кого можно и сорящие
семечками... Это они завалили и про-
ход, и свамиглы огромными мешками
и ящиками...

— Крути, Гаврила. Яблочко.

На первом же полустанке трещат
аппараты в Москву, и в С., и в...

стиснутое. Говорит мало, дремлет, но
все видит, слышит и запоминает.
Большая остановка.
— Таварищ начальник...
— Из тринадцатый сорок шестого
пошли на станцию. Пройтись что ли,
или оправиться.
— Хорошо.
Дорофеев у окна, выходит и на пер-
рон.

Князь Н. небрежной походкой ле-
ниво тянется по платформе.
Действительно вышел пройтись...
или не пройтись?..
Что эта за неясная фигура бредет
около него?

Случайно или с ним?

В ранних сумерках в падающих
хлопьях снега оба уходят в конец
перрона к водокатке.
За ними.

У киятка толкается народ, давка,
обе фигуры приблизились теснее. Смотрят
в разные стороны. Дорофеев ближе.
Два-три неясных слова... Назад!

Князь Н. возвращается один.

Но что это? Лицо князя стало
совершенно серым, глаза, как остано-
вившиеся, глядят прямо—одна секун-
да, через секунду он уже прежний.

Так!
— Станционного агента!

— Что это за парень, зон тот, вон?

— Ремонтный рабочий.

В двух словах рассказано в чем дело
— Поезд-то придержать?

— Ни в коем разе. Только отой-
дет, зрестовывайте, а мне на первый
же полустанок звоните.

Удвоятся, утроится наблюдение!
Как медленно тянется поезд.

— Таварищ начальник.
— А-а... Ну, как в тринадцатый
сорок шестом-то?

— А что-то за матросы...
— Матросы инзенские, с Инзы се-
ли. Я уже навел справку, старшего
наши с Инзы знают. Возит стекло из
Инзы в С., а обратно муку закупает.
Спекулирует. А так ничего, совет-
скую власть даже очень поддержи-
вает. Младшего не знаю.

— А о чем говорили?

— Да тоже ни о чем.

— Так... Все запомнил-то?

— Все до ниточки знаю.

— Комзвода как угодно узнаешь?

— Еще бы не узнать. Как ты узна-
вал, все теперь запоминаю. И костюм
его, где угодно, узнаю, сапоги, пра-
вый стоптан немного, шинель, под
шинелью кожаная куртка...

— Куртка?

Младший агент начинает улыбаться.

— Заметил, заметил... Шуговица...

— Какая?

— Вторая пуговица оторвана, одна
ниточка бокается...

На секунду лицо Дорофеева рас-
плывается все селю быстрых мел-
ких морщинок и становится простым
добродушным крестьянским лицом.

Еще секунда и оно снова омамелое,
это снова только боец, невидимой си-
лой поставленный в центре жестоких
событий, здесь на рубеже двух френ-
тов, старого и нового мира.

По укрепившейся последнее время
у него привычке, он стоит у окна,
всматривается в темную даль.

Младший агент снова на посту.

В поздних сумерках проплывают
какие-то чудовищные сооружения,
крылья гигантской птицы—взорван-
ная, сожженная форма моста, перевер-
нутые вагоны, остатки проволочных
заграждений, оковов сожженная буд-
ка. Железная перчатка гражданской
войны только слегка пропала здесь,
здесь чеки налегли отступания, при-
крывая позади формирование настоя-
щих белоохранских армий. Это здесь.

А дальше—дальше взорванные пу-
ти, сожжены целые станции. И в этом
самом поезде едет динамитчик, гото-
вый ломать и крушить последние ос-
ташки народного достоинства.

Братская любовь к машине, к этим
копящим, крахтящим, может, прохо-

по фабрикам и заводам.

Из Канавина.

Ячейка II школы.

Ячейка Сомола при II-ой школе в Канавине ревностно взялась за дело помощи Флоту.

Кроме того, ячейка поставила вечер, чистый сбор с которого, заключающийся в 623 миллионах рублей, поступил в пользу Красного Флота.

В настоящее время в вышеозначенной ячейке ведется просветительная работа как политическая так, и литературная.

Два рыжика.

„Сергунятни“.

2-я линия переполнена ребятами. Это юные пионеры вереницей едут с санками, загораживая дорогу мимо-

проходящим. Увидев группу комсомольцев, вышедших из своего комитета, юные пионеры были рады: подождите ли, на наши веселые замечания по их адресу, они шли за нами, как будто бы являются нашими попутчиками к рабочему клубу.

— У, шалуны!—вскрикнула старая беззубая старушка, чуть не упав, задевшая одной ногой за санки самого боевого из юных пионеров.

Улица была перерезана вереницей самодельных санок с рулями. Пионеры, подходя к клубу, выстроились в ряды и с горки ловко один за другим помчались на Оку. Мы видели их сияющие лица и сами радостно улыбались.

— Резера готов!—заметил один из комсомольцев.

— Дети—цветы жизни,—заметил другой.

Мы вошли в рабочий клуб, где должна состояться подготовка к вечеринке, а веселые крики пионеров еще все доносились до нас, напоминая нам об интересной их затее, представляющей из себя разумное развлечение.

Ф. Гуцин.

Из Сормова.

Безработица в Сормове.

За последние м-ца число безработных подростков возросло до 282 человек, из них 80 девушек. Подростки в большинстве раньше нигде не работали. Пысля на работу слабая. Уот предоставил 30 мест подросткам в столовой, которые заполняются наиболее нуждающимися.

Предполагается организовать артель (кустарную—повыделке игрушек) с количеством 50 подростков. Организационная работа в этой области проработана. Пысляется Уотом тов. за матерьялом в г. Семенов. Сормовский

Уком ведет борьбу с безработицей в трех направлениях. Это: 1) посылка в счет брони и школы фабзавуча из безработных; 2) домашнее обезбоделение безработных подростков и выявление его материальной обеспеченности, и 3) кампания помощи безработным по уезду. С целью облегчения и избежания очередей во время регистрации выделен техничекский работник от Укома.

В общем, положение безработных плохое, требуется что-то организационное, большее, на что ни Уот и ни Уком не имеют средств.

Карась.

Наша школа.

Тяжелая атлетика.

При клубе НГПСШ функционирует с 5 ноября 1922 года, под руководством тов. Бормотова, наряду с спорт-кружком легкой атлетики и ясенской группы по шведской гимнастике, спорт-кружок тяжелых атлетов, насчитывающий до 25 ч., и все комсомольцы, в весе от 3 п. 21 ф. и до 4 п. 20 ф.

Занятия велись и ведутся по изучению техники поднятия тяжестей 5 классических приемов и французской борьбе.

Занятия ведутся регулярно 2 раза в неделю, всего 4 часа, посещаются охотно с внимательным отношением и видимым интересом, усваиваемость удовлетворительная. Результаты, несмотря на незначительность программы, очевидны.

Из практических результатов можно отметить два выступления на сцене своего клуба. Курсанты за исполнением №№—поднятием норм и борьбы—следили с ожидающим интересом и много аплодировали молодым начинающим атлетам.

Также принимали участие в выступлениях на показательном спорт-вечере в клубе „Волгарь“ им. т. Калининна, где, несмотря на высокий стаж и выучку, с многолетним опытом, атлетов, наш один из четырех, выступивших в борьбе, молодой атлет одержал победу.

„Материал богатый, но сырой необработанный—по выражению гр-на Рассо“.

Затем трое участвовало в спорт-выступлениях на вечере в Мышке по поднятию тяжестей. Предполагается в недалеком будущем поездка в клуб завода „Новая Эгна“ (вместе с драм-кружком) для проведения спортивно-показательного выступления.

На 22 марта назначено состязание на „первенство чемпиона школы на 23 г.“.

На 30 марта решено послать несколько самых лучших и выдержанных атлетов на губернскую олимпиаду...

В дальнейшем работа кружка будет поставлена еще на более высокую ступень, путем популяризации через издаваемую школьную стенную газету „Спортемен“ (вышло 2 №№), показательные выступления, установления связи с другими спорт-организациями и знакомством постановки дела у таковых и др.

Фриц Демь.

Редакция „М. Р.“ принимает всевозможные заказы на выполнение художественных рисунков, клише для объявлений, плакатов, лозунгов афиш и т. д. Сроки исполнения самые короткие.

В газету принимаются разного рода государственные и хозяйственно-торговые объявления. Цены по соглашению. Редакция «М. Р.».

Под'отдел печати НИЖГУБКОМА РКСМ

ИЗВЕЩАЕТ

ВСЕ ЯЧЕЙКИ и ЧЛЕНОВ РКСМ, что из печати вышли следующие две брошюры:

Материалы по полит-просветительной работе.

ЦЕНА 5 руб.

Комсомольская Пасха

(СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ).

ЦЕНА 7 руб.

Обе книги можно приобрести в редакции «Молодой Рати» (Дворец Свободы).

Имеются во всех книжных магазинах Нижнего-Новгорода. Издательство „Молодая Рать“.

ВЕСТИ из УЕЗДОВ.

Городец.

Администрация не подчиняется.

В городе Городец есть небольшой лесопильный завод быв. Малышева, ныне называется № 6. Всех рабочих там работает 106 чел.

Мне как-то пришлось побывать там по проведению брони подростков. И что же, „много было наказано“ заводоуправлению—гражданину Суровегину,—о том, чтобы взять подростков с Биржи Труда и поставить для обучения. Но, к сожалению, гражданин Суровегин не исполнил, хотя и завтвом настаивал, чтобы взять подростков. Также был и Инспектор Охраны Труда 6-го участка гор. Городца, который также пред'являл много требований, но они также не исполнялись.

Гражданин Суровегин! Пора бы вам исполнять все просьбы и не кормить всех представителей „завтраками“. А ты, Завком! Нажимай как следует на администрацию, а то дело будет плохо.

Ахмед.

Воскресенск.

По уезду.

В уезде 8 ячеек. Организована вновь ячейка на Ярвском заводе. Хотя из 3 человек, но у рабочей молодежи есть желание к работе союза в скором времени состав увеличится, ячейка обещает быть работоспособной.

Отмечу также одну из сильных деревенских ячеек (Б.-Отарскую).

Занятия ведутся ежедневно. В работе союза принимает горячее участие местная учительница Т. Соловьева (не член РКСМ). Для малограмотных членов союза открыла вечерние занятия. Под ее режиссерством ставятся спектакли, занятия по политграмоте ведутся, также с учительницей. Местные кулаки разбудили от сна спавший культ-просвет с 1920 года. Но ячейка разлагает культ-просвет и в скором времени погребет на веки.

На 1 апреля 23 года назначен уездный с'езд молодежи. На повестке дня 9 вопросов. С'езд обещает быть работоспособным, учтет опыт работы и наметит план на лето.

Надежин.

дядям последние рейсы паровозам, к этим развинченным рельсам, ко всей дороге, напоминающей живое существо, охваченное страшным сыпьяком, готовое вытануться и замолкнуть, вдруг с неодолимой силой охватывает Дорюфеева.

Так не будет же этого!

Он стискивает кулаки, стискивает зубы.

На полустанке хрипит фонофор.

Дорюфеев у фонофора. Спрашивает станцию, где арестован только-что сообщив князя.

— Ну что же, там?

— Да, пока ничего определенного.

— Э-эх...

Ночь.

В голове теснятся масса мыслей, предположения, планы.

В голове масса мыслей, но сейчас—спать. Спать 3 1/2 часа. Агент обязан спать. Потом, может быть, не спать несколько ночей. И Дорюфеев засыпает каменным сном.

Ночь.

Скрипят тормоза, шатаются распатанные рельсы, паровоз временно совсем останавливается. Тогда котел глухо шумит, порою с грохотом выпускает пары, кругом поезда слышны дскры. Тогда в вагонах становится слышен хрип, сопенье, бормотание во сне, в душной, отвратительной, спертый атмосфере, среди нагроможденных тел и нищенского скарба. В вагонах черных, как ночь, но освещенных. Только в вагоне 1346 около 3-го отделения заботливая рука случайно укрепила опарок, неясно освещающий внутренность вагона.

Порою баба во сне начинает крепиться и бормотать что-то молитвенное. Редко-редко кто-нибудь пробурлит к выходу. Младший агент не спускает глаз с угла вагона, где помещается князь.

Уже час, как князь, не двигаясь дремлет, отключившись в угол. Дремлет-ли? Вдруг белая с длинными пальцами рука несмлышно протянулась под потолки.

Что он делает?

В полутьме невозможно разобрать,

двигается ли рука, лежит ли без движения.

А-а! пробует, крепко ли столик.

Нет, минута проходит одна за другой, рука лежит где-то под столиком, опершись на что-то. Верно просто во сне откинул руку, для удобства.

Видно, что так.

10—15 минут, может больше, продолжает.

Нет, князь не спит. Также неслышно он подымается и становится перед столиком. Младший агент следит глазами за каждым его движением. Нельзя сказать, чтобы князь стоял без движения и просто смотрел в окно. Но важно то, что угол саквояжа все время виден агенту. Саквояж все время стоит без движения.

Князь даже не притронулся к нему, поскольку агенту видны его руки. Просто остановился и смотрит в окно. Вот он опускается обратно на скамейку, боком прилегая к стенке, теперь, он, повидимому, задремлет.

Минуты проходят. Нет, не дремлет. Опять он выпрямляется, на этот раз начинает пробираться к выходу... Следовать за ним нельзя, агент видит, как он пропадает в темном коридоре. Беспokoйство охватывает агента. Правда, саквояж без движения остался на месте, князь ушел с пустыми руками. Но проходят какие-нибудь две-три минуты, и князь возвращается. Ничего не произошло. Он уже сидит без движения в углу. Пожалуй, решительно ничего действительно не произошло. Вдруг минут через 10 тихое, спокойное дыхание разделяет из угла. Князь спит. Но еще минут через пять кто-то лезет в соседнем отделении на верхнюю полку. Это один из матросов.

— Да, когда этот-то выходил, я и не заметил,—думает агент.

В вагоне 1346 наступает полная тишина.

...Дорюфеев стремительно вскакивает и осматривается. Нет ни одной доски света в окне. Черная ночь. Но три с половиной часа прошло.

За пять станций от С. представитель С-ской Губчека выехал встре-

титый поезд. В С. ничего больше, чем Дорюфеев, о монархической организации не знают. Единственный способ проследить князя.

Конечно, следовало бы подменить саквояж, но в условиях полного отсутствия технических средств и людей это совершенно невозможно. Динамит останется в руках князя.

Конечно, Дорюфееву и его сотрудникам, как уже ознакомившимся с прибывшими динамитчиками, придется остаться в С. до полного раскрытия организации.

Важно проследить на перроне во время давки. Все уже распределено, все распоряжения сделаны.

— Товарищ начальник! Один раз за ночь комвзвод выходил в коридор.

— А саквояж?

— Без движения стоял все время.

— Брал он что-нибудь из вещей?

— Ничего не брал ни разу.

— Больше ничего не случилось?

— Нет, больше ничего.

— Ну ладно, продолжай пока.

Волнение, с трудом сдерживаемое, нарастает.

Поезд подходит к С.

Но князь и его спутник не торопятся.

Они стоят у окна, смотрят. Медленно собирают вещи. Князь долго возится с саквояжем, не открывая его. Несколько пар глаз внимательно следят за ними. Наконец, они выходят на перрон.

И чем спокойнее становится князь, тем больше волнение Дорюфеева. Почему бы? Саквояж в руках князя, он несет его бережно. Поезд пройдет несколько раз, если те ехали, то это именно они.

Саучайность? Мелочь? На перроне поспешит навстречу младший из ехавших с князем матросов. Он бледен и возбужден. Раснервно всматривается на князя, князь не глядит на него.

На минуточку появление привлекает внимание Дорюфеева.

В зале, где расположился князь и его спутник, за ними установлено наблюдение. Но князь уже совсем не тот. Он смеется, шутит и поворачи-

вает кругом со злобной улыбкой. Вдруг его рука протягивается к саквояжу, открывает и... к удивлению агента, вынимает оттуда полотенце, мыло. Агент прохаживается мимо и заглядывает в саквояж, видит, что там вообще нет никаких вещей, кроме мелочей.

Дорюфеев поражен.

В довершение сотрудника, прибывший из города, узнает князя Н. по имеющимся карточкам.

В чем дело? И где была допущена ошибка. Следовало ли так полагаться на телеграмму, которая могла быть неточной? Но ведь князь ничего не вынул из вагона и не передавал никому. И что-то подсказывало с полной ясностью Дорюфееву, что в тот первый раз, когда он проверял документы в вагоне и спрашивал о содержимом саквояжа, динамит в саквояже был. Или, может быть, никакого динамита они с собой не везут и не везли?

Под видом общего осмотра вещей на станции, немедленно тщательно просматриваются вещи князя и его спутника, но нигде ничего не найдено. Документы подозрительны, но придраться пока трудно.

Почему-то в мозгу Дорюфеева с особенной силой проносится образ матроса, встреченный на перроне. Он останавливается на нем внимательно.

В растерянности матроса ничего необычного не могло быть. Ведь это вокзал 19-го года, где все выходы охраняются и багаж тщательно проверяют. Нет, что-то другое. Вдруг мысли Дорюфеева начинают стремительно проноситься. Еще мгновение, он что-то мучительно должен выяснить. И вдруг это...

— Вторая пуговица,—вспомнил он. И весь холодеет. Да, на кожаной куртке матроса не хватало второй пуговицы. Теперь он ясно видит это. А князь? Дорюфеев бежит в зал и, почти не сдерживаясь, пробегает мимо князя. Тот встречает его спокойной, злой улыбкой. На князе новенькая куртка со всеми пуговицами.

Снова Дорюфеев на перроне. Тормошится все сотрудники, расприщавляются ехавший с князем младший агент—но все тщетно. «Матросы» давно уехали с вокзала.

— Так! Запросите немедленно Инзу, узнать о матросах подробности, выяснить их местопребывание в С!

А покамест?

В секретной комнате стучит телефон.

«Оперативная».

«Под натиском вновь обнаруженных сибирских полков Н-я дивизия отходит. Оставлены станция К, деревни С, Б и В».

— И в это время несколько взрывов в тылу!—пронсится в мыслях Дорюфеева.

Он оглядывается. Сзади по бесчеленным путем снуют народ-красноармейцы, рабочие, беженцы. Несколько порций динамита могут снести все постройки мощного железнодорожного узла. Направо утренняя заря, охватившая пол-неба, теперь она напоминает пожар, это—Восход, оттуда Колчак гонит насильно призванных сибирских крестьян на Советскую Россию. Прямо перед Дорюфеевым в молочно-белом тумане лежит город, где гукется преселения, где идет деятельная работа поджигателей.

И перед этими силами наступающей контр-революции Дорюфеев на минуту остановился в нерешительности.

Он чувствовал за собой огромную ответственность и в то же время не видел ничего, что могло бы разрешить стоящую перед ним задачу.

Он не чувствовал в руках у себя ничего, кроме этой оборванной второй пуговицы от куртки, за ниточку от которой, казалось, он должен был хвататься, и за ниточку от нее—как трудно—вернуть судьбу того важного дела, которое лежало перед ним и от которого, повидимому, зависела судьба целого фронта.

Р. М.

(Продолжение следует).